

Литературное наследие Салтыкова – наследие пролетариата

М. Е. Салтыков-Щедрин, Неизвестные страницы. Редакция, предисловие и комментарии **С. Борщевского.** «Академия», 1931 г.

Неизданный Щедрин. Предисловие и примечания Иванова-Разумника. Издательство писателей в Ленинграде, 1931 г.

Ленинградское отделение ОГИЗ приступает в текущем году к изданию полного, научно подготовленного собрания сочинений Салтыкова. Политическая важность этого начинания подчеркнута в специальном постановлении ленинградского обкома ВКП (б). Редакцию издания возглавляет т. М. С. Ольминский, старейший большевик-исследователь салтыковского творчества. Параллельно с полным собранием начинают выходить в текущем же году «Избранные сочинения» Салтыкова, рассчитанные на самые широкие круги рабочего читателя. Эти сочинения выходят также под редакцией М. С. Ольминского и будут снабжены политическим и научно-библиографическим комментарием.

Общество старых большевиков, приветствуя инициативу издательства, выразило со своей стороны готовность содействовать изданию и постановило просить президиум Комакадемии организовать общество изучения Салтыкова. Общество старых большевиков берет шефство над обществом изучения Салтыкова.

Старейшая и богатейшая публичная библиотека в Союзе – Ленинградская – переименована в библиотеку имени Салтыкова.

Все эти явления не случайно совпадают по времени. Они свидетельствуют о точно обозначившемся повороте литературно-критического внимания к Салтыкову. О растущем интересе к нему говорят и статьи в периодической советской печати и вышедшие книги, заглавия которых обозначены выше. Со стороны читательских кругов обнаружен огромный интерес к Салтыкову. В самый короткий срок все до сих пор вышедшие книги Салтыкова стали библиографической редкостью. Можно констатировать форменный «салтыковский голод» на книжном рынке.

Либерально-буржуазная критика долгое время выдавала Салтыкова за такого писателя, который мог быть понятен только своим современникам. Она лицемерно видела «беду» Салтыкова в злободневности его произведений и в политической насыщенности его языка. Она уверяла, что именно вследствие этой злободневной политической насыщенности языка Салтыков должен неминуемо стать чуждым позднейшим поколениям читателей. Факты упорно говорят против этой либерально-механистической хронологии. Чуждым и непонятым становится язык иных писателей, близких по времени, но классово враждебных. И напротив, в языке иного, далекого по времени писателя новый класс, овладевающий культурой и литературой, открывает близкие, понятные и родственные ноты. В этом смысле Салтыков несравненно более «понятен», чем его

сверстники Достоевский и Тургенев. более понятен и близок, чем хронологически «молодой» Толстой.

Интерес советской читательской аудитории к Салтыкову сам по себе знаменателен. отметим кстати, что в данном случае он опередил советскую литературную критику, которая оказалась в значительной мере неподготовленной. Поворот к Салтыкову явился необходимым этапом в развитии пролетарской литературы и пролетарской читательской аудитории. Как только кадры нового писателя и читателя окрепли настолько, что могли подойти к овладению классическим наследством в литературе, они должны были открыть для себя Салтыкова. В гигантском хребте, возвышающемся над русской литературой дореволюционного времени, он стоит рядом с Тургеневым, Достоевским, Толстым. Но среди этих вершин художественной литературы он единственный, связанный с народнической демократией, материалистической и революционной по своему направлению. Все творчество Салтыкова не только социально насыщено, но и заострено против идеалистической, дворянской и буржуазно-капиталистической литературы своего времени. Либерально-буржуазная критика на этом основании объявила Салтыкова писателем «тенденциозным» и отнесла его к «ведомству» публицистики. За этим на деле скрывалась подчас весьма острая вражда к чуждому буржуазии по своему социально-политическому облику писателю.

Салтыкову, который не писал обычных романов о любви, который высмеивал Тургенева с его возвышенными молодыми помещиками, имеющими каждый в дворянском своем гнезде соответствующую возвышенную помещицу, буржуазная литературная критика отказывала в звании художника-писателя, ставила его во всяком случае ниже Достоевского и Тургенева. А между тем Салтыков – великий художник, не уступающий по силе изобразительности признанным корифеям русской литературы. Салтыков создавал свой род художественной литературы, неразрывно связанный с политикой и социальной борьбой, открыто и откровенно боевой.

Значение этой художественной литературы могло быть по-настоящему оценено только в наше время, когда большевистская критика предъявляет художественной литературе такие же требования боевой политической и классовой насыщенности, теснейшей связи с жизнью, ее злобами, ее текущими интересами. Словом «тенденциозность» не запугаешь теперь ни пролетарского писателя, ни пролетарского читателя. Мы знаем, что тенденциозны всегда были все писатели, каждый тенденциозен в интересах и в духе своего класса.

Д. Заславский

Заславский Д. И. Литературное наследие Салтыкова – наследие пролетариата // Книга и пролетарская революция. 1932. № 4/5. С. 154–155.